

ГЛАВА VI.

Нѣмецкая слобода.

МОЛОДОЙ царь, до 1689 года, не принималъ почти никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ присутствовалъ лишь при торжественныхъ аудіенціяхъ и участвовалъ иногда въ засѣданіяхъ думы. Съ одной стороны, Софья не могла желать посвященія брата въ тайны политики, съ другой, — онъ самъ былъ занятъ своимъ потѣшнымъ войскомъ и прогулками на Яузѣ, Просяномъ прудѣ и Переяславскомъ озерѣ, и потому не обращалъ вниманія на дѣла.

Однако и послѣ удаленія Софьи, Петръ нѣсколько лѣтъ еще не занимался политикою. До Азовскихъ походовъ, онъ предоставлялъ управленіе дѣлами другимъ лицамъ и посвящалъ свое время любимымъ занятіямъ, ученію, увеселеніямъ.

Мало того, были и послѣ паденія Софьи разные случаи, свѣдѣтельствующіе о томъ, что Петръ не имѣлъ вліянія и тогда, когда онъ, по настоящему, долженъ былъ и желать имѣть вліяніе. Укажемъ на нѣкоторые примѣры такого рода.

Мы увидимъ ниже, что, тотчасъ же послѣ государственнаго переворота 1689 года, завязались близкія сношенія между Петромъ и генераломъ Гордономъ. Царь нуждался въ немъ, какъ въ на-

ставникѣ въ области военной техники, какъ въ собесѣдникѣ, вообще полезномъ своимъ многостороннимъ образованіемъ. Онъ видѣлъ Гордона чуть ли не ежедневно. Однако патріархъ Іоакимъ, который, послѣ паденія Медвѣдева, упрочилъ свое положеніе при дворѣ, игралъ важную роль и имѣлъ сильное вліяніе,—не любилъ иностранцевъ, осуждалъ и прежде предоставленіе имъ должностей офицеровъ и былъ недоволенъ ихъ положеніемъ въ кругахъ высшаго общества и при дворѣ. Неудачу Крымскихъ походовъ патріархъ приписывалъ участію въ нихъ «еретиковъ». Когда шли приготовленія ко второму Крымскому походу, патріархъ въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ о Гордонѣ, утверждая, что нельзя надѣяться на успѣхъ русскаго войска, если этимъ войскомъ будетъ командовать еретикъ. «Вельможи—разсказываетъ Гордонъ—улыбались и не обращали вниманія на слова патріарха» ¹⁾). Тѣмъ важнѣе оказывается слѣдующій фактъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ государственнаго переворота, Гордонъ, по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), былъ приглашенъ къ торжественному столу. Однако онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патріархъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ бывать при дворѣ непригоже. Можно думать, что Петру этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, онъ на другой же день послѣ этого происшествія пригласилъ его отобѣдать съ нимъ гдѣ-то за-городомъ. На возвратномъ пути оттуда, царь дружески бесѣдовалъ съ Гордономъ ²⁾).

Впрочемъ, и кромѣ патріарха были люди, не любившіе иностранцевъ. Скоро послѣ государственнаго переворота 1689 года, были приняты разныя мѣры, свидѣтельствовавшія о нѣкоторой неприязни къ иноземцамъ. Въ то время, когда сношенія между Петромъ и иноземцами становились со дня на день болѣе близкими (напр., въ почтовомъ вѣдомствѣ были приняты мѣры для затрудненія сообщенія съ западомъ), почтмейстеру Виніусу было поручено просматривать всѣ частныя письма, прибывавшія изъ-за границы или отправляемыя туда, и, смотря по содержанію, уничтожать изъ нихъ тѣ, въ которыхъ заключалось что-либо предосудительное. Объ этихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ администраціи мы узнаемъ нѣкоторые любопытныя подробности изъ жалобъ находившагося тогда

¹⁾ Gordon's Tagebuch, II, 233.

²⁾ Тамъ-же, II, 221.

въ Москвѣ польскаго резидента, а также изъ переписки генерала Гордона съ сыномъ Джемсомъ ¹⁾).

На иностранцевъ вообще тогда смотрѣли косо въ Россіи. Не даромъ въ то время Гордонъ совѣтовалъ сыну, желавшему вступить въ русскую службу, выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ ²⁾. Къ этому же времени относится изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи, а также сожженіе на кострѣ еретика Кульмана. Петръ, вѣроятно, не принималъ никакого участія въ подобныхъ дѣлахъ. Очевидно, во всемъ этомъ важнѣйшую роль игралъ патріархъ, бывшій виновникомъ нѣкоторой реакціи послѣ эпохи западничества князя Василя Васильевича Голицина.

Патріархъ Іоакимъ умеръ 17-го марта 1690 года, значить, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ государственнаго переворота. Завѣщаніе, оставленное имъ, объясняетъ намъ, почему именно къ этому времени относится распоряженіе, затрудняющее пріѣздъ иноземцевъ въ Россію ³⁾, и запросъ, сдѣланный жителямъ Нѣмецкой слободы, на основаніи какихъ правъ или привилегій они тамъ построили протестантскія церкви ⁴⁾. Въ завѣщаніи, между прочимъ, сказано слѣдующее: «молю царей и Спасителемъ, нашимъ Богомъ, заповѣдываю, да возбранятъ проклятымъ еретикамъ-иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служилыми людьми, но да велятъ отставить ихъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ совершенно, потому что иновѣрцы съ нами, православными христіанами, въ вѣрѣ неединомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ несогласны, церкви, матери нашей, чужды;—какая же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному воинству!» Въ этомъ родѣ патріархъ пишетъ подробно о томъ, что не должно имѣть «общенія съ латины, лютеры, кальвины, безбожными татары», а въ заключеніе сказано: «дивлюсь я царскимъ палатнымъ совѣтникамъ и правителямъ, которые бывали въ чужихъ краяхъ на посольствахъ: развѣ не видѣли они, что въ каждомъ государствѣ есть свои нравы, обычаи, одежды, что людямъ иной вѣры тамъ никакихъ достоинствъ не даютъ, и чужеземцамъ молитвенныхъ храмовъ строить не дозволяютъ? Есть ли гдѣ въ нѣмецкихъ земляхъ благочестивыя вѣры церковъ? Нѣтъ ни одной! А здѣсь, чего и не бывало, то еретикамъ дозволено: строить себѣ

¹⁾ Posselt, Lefort, I, 480.

²⁾ Gordon's Tagebuch, III, 255, 259.

³⁾ П. С. З. III, № 1358.

⁴⁾ Собр. гос. гр. и дог. IV, 622.

еретическихъ проклятыхъ сборищъ молбищныя храмины, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобно клануть и лають идолопоклонниками и безбожниками» ¹⁾).

Впрочемъ, и мать Петра, царица Наталья Кирилловна, какъ кажется, раздѣляла воззрѣнія патріарха Іоакима. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ о слѣдующемъ случаѣ нанесенной царицею иноземцамъ обиды. 27-го августа 1690 года, празднуя день своего тезоименитства, она жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣleckихъ, также гостей и купцовъ, но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоила этой чести и въ чертоги свои не впустила. Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и купцы при приѣмѣ занимали мѣсто выше ихъ ²⁾. Иноземцы считали себя обиженными тѣмъ болѣе, что именно въ то время самъ Петръ ежедневно находился въ ихъ обществѣ, ѣлъ и пилъ съ ними.

Изъ слѣдующаго эпизода видно, что вліяніе Петра, даже послѣ кончины патріарха Іоакима, было слабымъ, ограниченнымъ. Петръ желалъ избранія въ патріархи псковскаго митрополита Маркелла, тогда какъ царица Наталья Кирилловна и нѣкоторые духовныя лица, опасаясь учености и вѣротерпимости Маркелла, стояли за избраніе казанскаго митрополита Адріана. Опасались, пишетъ Гордонъ, что Маркеллъ, сдѣлавшись патріархомъ, станетъ покровительствовать католикамъ и вообще приверженцамъ другихъ исповѣданій. Игуменъ Спасскаго монастыря передалъ царицѣ записку, въ которой заключалось обвиненіе Маркелла въ ереси. «Однако», заключаетъ Гордонъ свой рассказъ, «царь Петръ держался твердо стороны Маркелла и съ старшимъ царемъ и со всѣмъ дворомъ удалился въ Коломенское» ³⁾.

Когда Петръ впослѣдствіи, въ 1697 году, былъ проѣздомъ въ Митавѣ, онъ, какъ кажется, смѣясь, рассказывалъ самимъ иностранцамъ объ этомъ случаѣ. Вотъ что пишетъ нѣкто Бломбергъ, сообщая о пребываніи царя въ Митавѣ: «царь рассказалъ намъ слѣдующую исторію: когда умеръ послѣдній патріархъ московскій, онъ желалъ назначить на это мѣсто человѣка ученаго, который много путешествовалъ и говорилъ полатыни, поитальянски и пофранцузски; но русскіе шумнымъ образомъ умоляли царя не на-

¹⁾ Устр. II, 467—477.

²⁾ Tagebuch Gordon's II, 316.

³⁾ Тамъ-же, II, 309 и 311.

значать такого человѣка, а именно по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, потому что онъ зналъ варварскіе языки, во-вторыхъ—что его борода не была достаточно велика и не соответствовала сану патріарха, въ третьихъ—что его кучеръ сидѣлъ обыкновенно на козлахъ, а не на лошади, какъ требуетъ обычай» ¹⁾).

Изъ слѣдующаго письма Гордона къ одному знакомому въ Лондонѣ видно также ничтожное вліяніе Петра на управленіе дѣлами въ это время; 29-го іюля Гордонъ пишетъ: «я все еще при дворѣ, что причиняетъ мнѣ большіе расходы и много безпокойства. Мнѣ обѣщали большія награды, но пока я еще получилъ мало. Когда молодой царь самъ возьметъ на себя управленіе государствомъ, тогда я, безъ сомнѣнія, получу полное удовлетвореніе ²⁾).

О вліяніи и силѣ партій, враждебной людямъ, окружавшимъ Петра, свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. Когда царь, въ 1692 году, былъ опасно боленъ, то люди, близкіе къ нему, Лефортъ, кн. Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми, въ намѣреніи ѣхать изъ Москвы ³⁾).

Какъ видно, царствовала реакціонная партія. Спрашивалось, насколько можно было считать вѣроятнымъ, что направленіе въ пользу западной культуры, представителемъ котораго сдѣлался Петръ, одержитъ верхъ надъ партіею національною?

По крайней мѣрѣ, въ частной жизни, въ своихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ, Петръ пользовался совершенною свободою. Онъ окружалъ себя иностранцами, не обращая вниманія на то, что этимъ нарушалъ господствовавшіе до того обычаи, оскорблялъ національное чувство и патріотизмъ своихъ родственниковъ, родныхъ матери и жены, и многихъ вельможъ, вызывая осужденіе народа, твердо державшагося старыхъ обычаевъ. Петръ былъ убѣжденъ въ необходимости учиться въ школѣ иностранцевъ и, такимъ образомъ, сдѣлался постояннымъ гостемъ въ Нѣмецкой слободѣ.

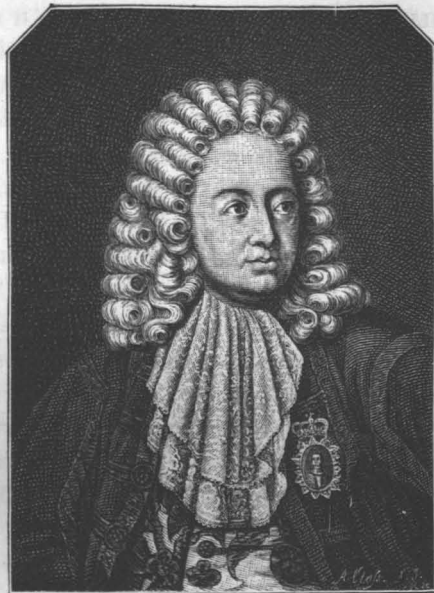
До 1689 года, отношенія Петра къ иностранцамъ ограничивались знакомствомъ съ докторомъ фанъ-деръ-Гульстомъ, съ ремесленниками, напр., Тиммерманомъ и Брантомъ, и съ военными, напр., полковникомъ Менгденомъ. Зато ко времени послѣ государственнаго переворота относится его близкое знакомство съ двумя иностранцами, вліяніе которыхъ на царя сдѣлалось чрезвычайно важнымъ, именно: съ Гордономъ и Лефортъ.

¹⁾ Blomberg. An account of Livonia, London, 1701.

²⁾ Gordon, III, 260.

³⁾ Донесеніе Кохена въ сочиненіи Бергмана «Peter der Grosse», I, 183.

Патрикъ Гордонъ родился въ Шотландіи, въ 1635 году, и принадлежалъ къ знатному роду, преданному католицизму и роялизму. Покинувъ рано родину, онъ долго служилъ въ шведскомъ и польскомъ войскахъ. Въ 1660 году, онъ вступилъ въ русскую службу. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее образованіе, добросовѣстность и необычайная рабочая сила доставили ему весьма выгодное мѣсто въ Россіи, уже при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ нѣсколько разъ старался, впрочемъ, безуспѣшно, оставить русскую службу и возвратиться на родину. Въ немъ нуждались; онъ

Патрикъ Гордонъ.

Съ портрета, находящагося въ картинной галлерей Н. И. Путилова.

участвовалъ въ Чигиринскихъ походахъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Кіевѣ, въ качествѣ коменданта этого города; затѣмъ принималъ участіе въ Крымскихъ походахъ. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и, какъ человѣкъ зажиточный, образованный, обходительный, игралъ весьма важную роль. Будучи завзятымъ сторонникомъ Стюартовъ, онъ постоянно находился въ связи съ противниками англійскаго короля, Вильгельма III, и узнавалъ вообще обо всемъ, что происходило на западѣ. Постоянно онъ былъ занятъ обширною перепискою: случалось, что онъ отправлялъ въ одинъ день до двадцати писемъ и болѣе. Онъ былъ лично извѣ-

стенъ королямъ, Карлу II и Якову II; однажды, въ Гамбургѣ, онъ былъ приглашенъ въ гости къ бывшей шведской королевѣ Христинѣ. Герцогъ Гордонъ, занимавшій въ 1686 году мѣсто губернатора въ Эдинбургѣ ¹⁾, приходился ему двоюроднымъ братомъ. Изъ Англіи онъ весьма часто получалъ карты, инструменты, оружіе, книги; онъ постоянно слѣдилъ за новыми открытіями англійской Академіи Наукъ, считался опытнымъ инженеромъ, довольно часто оказывалъ существенныя услуги при постройкѣ крѣпостей и былъ изобрѣтателемъ разныхъ военныхъ снарядовъ. Часто хвораая, онъ, однако, былъ веселымъ собесѣдникомъ, участвовалъ въ попойкахъ и не только въ кругу иностранцевъ, но и между русскими пользовался большою популярностью. Нѣтъ сомнѣнія, что Гордонъ, проживъ около тридцати лѣтъ въ Россіи до сближенія съ Петромъ, вполне владѣлъ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, онъ могъ сдѣлаться полезнымъ наставникомъ юнаго царя.

Въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія царя въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпами и пр. Однажды, при этихъ упражненіяхъ, Гордонъ упалъ съ лошади и сильно повредилъ себѣ руку. Петръ самъ подошелъ къ нему и съ нѣкоторымъ волненіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Доказательствомъ значенія, которое Гордонъ приобрѣлъ послѣ государственнаго переворота, можетъ служить и то, что его посѣщалъ кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Въ свою очередь, и Гордонъ обѣдалъ нѣсколько разъ у князя.

Очевидно, Петръ сталъ нуждаться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ. Главнымъ занятіемъ ихъ было приготовленіе фейерверковъ: царю чрезвычайно понравилась эта потѣха. Гордонъ постоянно участвовалъ въ пирушкахъ у царя, у Нарышкина, Шереметева, Ромодановскаго, Андрея Артамоновича Матвеева и др. Въ дневникѣ его упоминается о бесѣдахъ съ Петромъ, объ удовольствіи, доставленномъ царю особенно удавшимся фейерверкомъ, или успѣшными и ловко веденными маневрами. Сынъ и зять Гордона тоже трудились съ Петромъ надъ фейерверкомъ, въ царской лабораторіи. Иногда онъ проводилъ съ царемъ цѣлые дни, занимаясь опытами надъ военными снарядами. Любопытно, что

¹⁾ Macauley (Tauchn. ed.) II, 350, 395.

однажды, по желанію Петра, были сдѣланы два фейерверка, съ цѣлью состязанія между русскими и иностранцами; фейерверкъ иностранцевъ, какъ пишетъ Гордонъ, произвелъ «отличный эффектъ»; на другой же день былъ спущенъ фейерверкъ русскихъ, который также произвелъ «хорошій эффектъ». При одномъ фейерверкѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо, а въ другой разъ самъ Петръ былъ раненъ.

Постоянно находясь у себя въ компаніи «еретиковъ», Петръ скоро рѣшился побывать въ гостяхъ и у нихъ, въ Нѣмецкой слободѣ. 30-го апрѣля 1690 года, онъ съ нѣкоторыми вельможами обѣдалъ у Гордона. Все чаще и чаще затѣмъ повторялось появленіе Петра въ слободѣ. Какъ кажется, Петръ въ первый разъ обѣдалъ у Лефорта 3-го сентября 1690 года. У Гордона царь бывалъ весьма часто, во всякое время, иногда рано утромъ и безъ свиты, какъ бы въ качествѣ частнаго человѣка. Многія черты свидѣтельствуютъ о непринужденности обхожденія царя съ Гордономъ. Когда Петръ, однажды, отправился къ персидскому посланнику, то взялъ съ собою Льва Кирилловича Нарышкина и Гордона. Они видѣли тамъ льва и львицу, которыхъ посланникъ привезъ въ подарокъ царю, и были угощаемы сластями, напитками и музыкою. Петръ присутствовалъ у Гордона на свадьбѣ его дочери и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія царя были очень продолжительны: такъ, напр., 2-го января 1691 года, онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать, ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человѣкъ гостей и около 100 человѣкъ прислуги; къ ночи расположились спать «по лагерному». На другой день, вся компанія отправилась обѣдать къ Лефорту и т. п. Но молодой царь посѣщалъ Гордона не ради однихъ попоекъ; когда, однажды, Гордонъ заболѣлъ, послѣ роскошнаго обѣда у Бориса Алексѣевича Голицына, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробнѣе о болѣзни, а затѣмъ прислалъ ему лекарства. Разъ онъ посѣтилъ Гордона и взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ; въ свою очередь, и Гордонъ бралъ книги у царя, а самъ выписывалъ для него, чрезъ купца Мюнтера, книги изъ-за границы. Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружіи, осматривали новые помпола, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали составлять планъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непріятельскій лагерь, несмотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этой машины. Довольно

часто царь вмѣстѣ съ Гордономъ испытывалъ пушки, мортиры, бомбы и пр. Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона, который даже купилъ тамъ себѣ домъ. Гордонъ долженъ былъ отправиться и въ Архангельскъ въ то время, когда царь находился тамъ, въ 1694 году, а до того онъ былъ назначенъ шаутбенахтомъ, или контръ-адмираломъ.

Въ январѣ 1694 года, умерла царица Наталья Кирилловна. Петръ бесѣдовалъ съ Гордономъ о болѣзни матери. Въ тотъ самый день, какъ она скончалась, Петръ долженъ былъ удостоить своимъ присутствіемъ ужинъ и балъ у Гордона. Рано поутру Гордонъ отправился къ Петру, но уже не засталъ его дома. Простившись съ умирающею матерью, Петръ удалился въ Преображенское. Гордонъ поѣхалъ туда и засталъ царя сильно встревоженнымъ и печальнымъ. Гордонъ остался у него. «Около 8 часовъ», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, «получили мы извѣстіе, что царица скончалась, на 42-мъ году жизни». Нѣсколько позже Гордонъ получилъ для Петра отъ англійско-московскаго торговаго общества разные подарки, великолѣпное оружіе, шляпу съ бѣлымъ перомъ, часы, инструменты и нѣсколько дюжинъ бутылокъ лучшихъ винъ и ликеровъ. Царь самъ пріѣхалъ къ Гордону за этими вещами.

Многое во всѣхъ этихъ поступкахъ Петра являлось смѣлою новизною. Бывало, прежде, если кто присутствовалъ на похоронахъ, то послѣ этого три дня сряду не могъ являться ко двору. Теперь же самъ царь весьма часто бывалъ на похоронахъ иноземцевъ-офицеровъ въ Нѣмецкой слободѣ. Патріарху казалось ужаснымъ нарушеніемъ прежнихъ порядковъ существованіе иновѣрныхъ церквей въ Нѣмецкой слободѣ. Теперь же царь иногда вмѣстѣ съ Гордономъ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи въ модельнѣ, построенной, благодаря стараніямъ Гордона. Не даромъ народъ съ ужасомъ сталъ примѣчать, что царь «возлюбилъ нѣмцевъ»: въ глазахъ народа это было ересью.

Къ этому же времени относится начало дружественныхъ отношеній царя къ Лефорту. Можно считать вѣроятнымъ, что послѣдній принадлежалъ къ числу иностранцевъ, отправившихся къ Петру въ Троицкій монастырь, въ августѣ или сентябрѣ 1689 года; однако мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, Петръ познакомился прежде съ Гордономъ, а затѣмъ только сблизился съ Лефортомъ.

Францъ Лефортъ родился въ 1653 году, слѣдовательно, былъ гораздо моложе Гордона. Онъ, равно какъ и Гордонъ, до пріѣзда въ Россію много путешествовалъ, не имѣвъ, однако, случая прі-

обрѣсти той опытности въ дѣлахъ и того многосторонняго образованія, какимъ отличался Гордонъ. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1675 году; однако здѣсь ему не такъ скоро, какъ Гордону, удалось составить себѣ положеніе. Впрочемъ, онъ находился въ тѣсной связи со многими жителями Нѣмецкой слободы и, отличаясь веселостью нрава, добродушіемъ и честностью, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Богатые иностранные купцы, знатные дипло-

Францъ Лефортъ.

Съ гравированнаго портрета Шенка 1698 года.

маты были покровителями Лефорта. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ также былъ его доброжелателемъ. Онъ получилъ чинъ полковника, купилъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ и женился.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Лефортъ былъ талантливымъ человѣкомъ, но въ то же время не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо чрезвычайныхъ способностяхъ его. Гордонъ любилъ заниматься чтеніемъ ученыхъ книгъ, — Лефортъ былъ равнодушенъ

къ наукѣ. Къ сожалѣнію, лишь весьма немного извѣстно объ его участіи въ военныхъ операціяхъ въ Малороссіи, гдѣ онъ сблизился съ Гордономъ. Образъ его дѣйствій въ Азовскихъ походахъ не можетъ считаться свидѣтельствомъ особыхъ военныхъ способностей. Относительно свѣдѣній въ области политики, онъ далеко уступалъ Гордону, бесѣды котораго могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. Зато Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностію, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностію къ особѣ Петра. Гордонъ гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ считаться представителемъ западно-европейской политической и общественной цивилизаціи и потому скорѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейскою культурою. Лефортъ былъ 18-ю годами моложе Гордона и 19-ю старше Петра, но, по своему характеру и наклонностямъ, оставался юношею до гроба. Напротивъ того, Гордонъ, который былъ 37-ю годами старше Петра, уже въ юныхъ лѣтахъ отличался необычайною зрѣлостію характера, обдуманностію дѣйствій, ясностію воззрѣній и неутомимымъ трудолюбіемъ. Въ противоположность къ нѣкоторой женственности въ характерѣ Лефорта, не отличавшагося ни самостоятельностью воли, ни яснымъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, Гордонъ былъ настоящимъ мужемъ, никогда не забывавшимъ своего достоинства. Удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣскольку дней сряду, съ танцами, съ музыкою, были для Лефорта, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ. Гордонъ, напротивъ того, съ трудомъ переносилъ увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойны вниманія близкія отношенія Гордона къ Петру, не измѣнившіяся до кончины перваго. Эти отношенія были менѣе интимными, нежели отношенія Петра къ Лефорту, но принесли царю большую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военной техники и приучая его къ болѣе основательному изученію разныхъ предметовъ. Лефортъ оставался царедворцемъ, Гордонъ не переставалъ быть труженикомъ. Лефортъ легче могъ сдѣлаться другомъ Петра, потому что онъ, такъ сказать, пересталъ быть швейцарцемъ, не думалъ о возвращеніи на родину, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался вѣрнымъ своей національности, своему исповѣданію, и до послѣдняго времени жизни надѣялся на возвращеніе въ Шотландію. Ни на

одну минуту Гордонъ не переставалъ считать себя подданнымъ Стюартовъ, тогда какъ вся жизнь Лефорты сосредоточивалась въ личной привязанности къ Петру. Къ сожалѣнію, не сохранилось ни одного письма царя къ Лефорту; письма послѣдняго къ Петру свидѣлствуютъ о любви къ царю и веселомъ нравѣ Лефорты; здѣсь очень много говорится о попойкахъ, о разныхъ сортахъ винъ. Петръ запретилъ разъ навсегда принуждать Гордона напиваться до-пьяна; такого распоряженія не было сдѣлано въ отношеніи къ Лефорту. Никто въ той мѣрѣ, какъ Лефортъ, за исключеніемъ Екатерины, не имѣлъ столь сильнаго вліянія на настроеніе духа Петра, который любилъ его всею душою. Когда Лефортъ умеръ, онъ, какъ рассказываютъ, воскликнулъ: «Друга моего не стало! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?»¹⁾

Пребываніе Петра въ Нѣмецкой слободѣ и его ежедневное общеніе съ иностранцами должны были имѣть громадное значеніе въ развитіи юнаго царя. Непринужденность его близкихъ отношеній къ людямъ, каковы были Гордонъ, Лефортъ и другіе жители Нѣмецкой слободы, была гораздо болѣе полезною школою для царя, чѣмъ замкнутость придворнаго этикета и церемоніала, господствовавшихъ въ Кремлѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ Петръ встрѣчался всюду съ началами вѣротерпимости и космополитизма, въ противоположность религіознымъ и національнымъ предубѣжденіямъ, господствовавшимъ въ исключительно русскихъ кругахъ общества. Въ Нѣмецкой слободѣ, служившей образчикомъ западно-европейскихъ пріемовъ общежитія, Петръ нѣсколько лѣтъ сряду, до отправленія въ западную Европу, уже находился нѣкоторымъ образомъ за границею. Шагъ, сдѣланный Петромъ въ 1690 году изъ Кремля въ Нѣмецкую слободу, можетъ считаться болѣе важнымъ, чѣмъ поѣздка за границу, въ 1697 году. Нѣмецкая слобода сдѣлалась для него какъ бы первою станціею на пути въ Германію, Голландію и Англію; она служила посредникомъ между западомъ и востокомъ; пребываніемъ въ ней Петра оканчивается эпоха древней исторіи Россіи, начинается новая эра для ея развитія.

Познакомившись съ разными дипломатами, офицерами, инженерами, купцами, Петръ сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ, заглянулъ въ ихъ семейную жизнь, сблизился съ ихъ женами и дочерьми. Весьма часто въ это время онъ уже бывалъ въ Нѣмецкой слободѣ, на свадьбахъ и крестинахъ. При такихъ случаяхъ

¹⁾ Устряловъ, III, 264. О Гордонѣ вообще см. мое сочиненіе «Патрикъ Гордонъ и его дневникъ». Спб. 1878. О Лефортѣ см. сочиненіе Посселята.

присутствовали дамы. Когда, однажды, лѣтомъ 1691 года, баронъ Келлеръ, бывший холостымъ человѣкомъ, устроилъ пиръ для государя, были приглашены дамы. Петръ участвовалъ въ танцахъ и особенно, какъ рассказываютъ, полюбилъ такъ называемый «грос-фатертанецъ». Съ этимъ временемъ совпадаетъ начало его близкихъ отношеній къ прекрасной дочери золотыхъ дѣлъ мастера, бочара и виноторговца Монса. Онъ познакомился съ нею чрезъ посредство Лефорта.

Въ 1553 году, англичане открыли морской путь въ Бѣлое море. Затѣмъ, однако, особенно во второй половинѣ XVII вѣка, не столько

Архангельскъ въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ современной голландской гравюры.

англичане, сколько голландцы играли важнѣйшую роль въ торговлѣ, которая шла чрезъ городъ Архангельскъ. И въ Москвѣ, и въ Архангельскѣ, и въ Вологдѣ, и въ другихъ городахъ жило много голландскихъ купцовъ. Русское правительство какъ-то болѣе сочувствовало Нидерландамъ, чѣмъ Англіи, особенно при Карлѣ II и Яковѣ II. Для русскихъ дипломатовъ, отправляемыхъ въ XVII вѣкѣ въ разныя западно-европейскія государства, во Францію, Италію и проч., Голландія почти всегда была важною станціею. Долгорукій, въ 1687 году, на пути во Францію и Италію, нѣкоторое время пробылъ въ Голландіи и былъ очарованъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, порядкомъ администраціи, солидностью учреждений Нидерландовъ, имѣвшихъ въ то время значеніе первоклассной державы ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что рассказы

¹⁾ Posselt, Lefort, I. 388.

Долгорукаго о Голландіи, послѣ возвращенія въ Россію, производили глубокое впечатлѣніе на Петра. И чрезъ Лефорта, жившаго когда-то въ Нидерландахъ, Петръ могъ узнать кое-что объ этомъ краѣ. Келлеръ, голландскій дипломатъ, съ которымъ Петръ видѣлся весьма часто, сообщалъ ему разныя свѣдѣнія о всемірномъ значеніи голландской торговли, промышленности и пр. Чрезъ Келлера, Гордона и другихъ иностранцевъ Петръ узнавалъ о подробностяхъ войны между Англіею и Голландіею, съ одной стороны, и Франціею—съ другой.

Соловецкій монастырь въ XVIII столѣтіи.

Съ современной гравюры.

Въ 1691 году, Петръ получилъ отъ извѣстнаго ученаго и государственнаго дѣятеля, амстердамскаго бургомистра Ник. Витзена, письмо, въ которомъ говорилось подробно о средствахъ развитія торговыхъ сношеній съ Китаемъ и Персіею. Витзень считался опытнымъ знатокомъ этого предмета. Онъ былъ хорошо знакомъ съ Россіею, которую посѣтилъ въ 1666 году, и въ 1672 году издалъ весьма замѣчательный трудъ «О сѣверной и восточной Татаріи». Намъ извѣстно изъ донесеній барона Келлера, что Петръ уже въ это время началъ обращать вниманіе на вопросы торговой политики; Келлеръ доносилъ Генеральнымъ Штатамъ, что надѣется на довольно важныя правительственныя распоряженія относительно торговли.

Понятно, что, при важности торговых интересовъ для иностранцевъ, проживавшихъ въ Россіи, жители Нѣмецкой слободы съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдили за развитіемъ умственныхъ способностей и расширеніемъ круга знаній Петра. Келлеръ доноситъ, что царь любить иностранцевъ, но что его подданные этимъ не довольны. «Мы имѣемъ важнѣйшія причины», сказано въ одной изъ депешъ голландскаго резидента, «желать молодому царю здравія и благополучія». Съ усиленнымъ вниманіемъ Петръ слѣдилъ за событіями въ западной Европѣ; особенно онъ восхищался успѣхами англійскаго короля, Вильгельма III; однажды онъ выразилъ даже желаніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ Англіи противъ Франціи, подъ руководствомъ самого короля. Когда, лѣтомъ 1692 года, англичане на морѣ одержали побѣду надъ французами, Петръ, находившійся въ то время на Переяславскомъ озерѣ, праздновалъ это событіе залпомъ изъ пушекъ новопостроенныхъ судовъ¹⁾.

Полезною школою для Петра было знакомство и съ другими иностранцами. Отъ Андрея Виніуса, сына зажиточнаго голландскаго купца, занимавшагося еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ горнымъ промысломъ въ Россіи, онъ узнавалъ о многихъ дѣлахъ, происходившихъ на западѣ. Виніусъ, въ качествѣ дипломата, бывалъ за границею, занимался переводомъ разныхъ сочиненій на русскій языкъ, былъ авторомъ труда по географіи, завѣдывалъ нѣкоторое время Аптекарскимъ Приказомъ, находился довольно долго въ Малороссіи, въ качествѣ дипломатическаго агента, и въ первое время царствованія Петра управлялъ почтовымъ вѣдомствомъ. Уже это званіе доставляло ему возможность сообщать царю множество заграничныхъ новостей. Петръ, видѣвшійся весьма часто съ Виніусомъ, давалъ ему разныя порученія, относившіяся къ морскому дѣлу, къ горному искусству и пр. Черезъ Виніуса онъ выписывалъ изъ-за границы разныя книги, инструменты, а также мастеровъ-ремесленниковъ. Позже Виніусъ устраивалъ для царя пороховые и оружейные заводы, лилъ пушки, основалъ школу для моряковъ и проч.

Между другими лицами, окружавшими царя послѣ государственнаго переворота 1689 года, можно назвать еще полковника Менгдена, инженера Адама Вейде, капитана Якова Брюса, переводчика Посольскаго Приказа, Андрея Кревета, и др.

Шагомъ впередъ въ направленіи къ западной Европѣ были путешествія Петра въ Архангельскъ, предпринятые имъ въ 1693

¹⁾ Posselt, I, 502, 505, 508, 511, 514, 519.

и 1694 годахъ. Тутъ главную роль играли иностранные купцы и моряки; тутъ, на берегу Двины, была также нѣмецкая слобода, въ которой находилась реформатская церковь. Проѣздомъ въ Архангельскъ, Петръ бывалъ и въ Вологдѣ, гдѣ также проживало значительное число иностранцевъ. Та часть города, гдѣ они жили, отличалась особенно красивыми и солидно построенными домами ¹⁾. Патрикъ Гордонъ долженъ былъ, въ 1694 году, отправиться въ Архангельскъ. Онъ рассказываетъ, какъ Петръ тамъ безцеремонно и весело пировалъ съ голландскими и англійскими шкиперами, игралъ съ ними въ кегли, и какъ они угощали его въ своихъ домахъ и каютахъ.

Архангельскъ былъ главною станціею на пути въ западную Европу. Здѣсь Петръ впервые увидѣлъ море; здѣсь иностранцы-шкипера посвящали его въ тайны морского дѣла, техники мореплаванія и кораблестроенія. Одинъ морякъ изъ Саардама, съ которымъ Петръ сблизился въ Архангельскѣ, училъ его лазить на мачты и объяснилъ ему всѣ составныя части корабельныхъ снастей. Въ Архангельскѣ Петръ осмотрѣлъ корабли, нагруженные иностранными товарами, былъ въ тамождѣ, въ конторахъ иностранныхъ купцовъ. Здѣсь онъ заложилъ корабль, который затѣмъ былъ отправленъ въ западную Европу съ грузомъ русскихъ товаровъ. Отсюда Петръ послалъ письмо къ Витзену, съ порученіемъ купить въ Голландіи корабль.

Въ помощи иностранцевъ Петръ нуждался для устройства маневровъ и для своихъ опытовъ судоходства, положившихъ начало русскому флоту.

Мы видѣли выше, какъ Петръ, непосредственно послѣ государственнаго переворота въ 1689 году, чуть ли не ежедневно былъ свидѣтелемъ военныхъ упражненій, устраиваемыхъ Гордономъ. Все это было, такъ сказать, приготовленіемъ къ большимъ маневрамъ, продолжавшимся до Азовскихъ походовъ. Маневры начались лѣтомъ 1690 года. Они были не совсѣмъ безопасны: бывали случаи серьезнаго поврежденія ручными гранатами и горшками, начиненными горючими веществами. 2-го іюня 1690 года, по случаю такъ называемаго перваго Семеновскаго похода, одинъ изъ такихъ горшковъ лошнулъ близъ государя; взрывомъ опалило ему лицо и переранило стоявшихъ возлѣ него офицеровъ. Гордонъ былъ также раненъ: неосторожный выстрѣлъ повредилъ ему ногу выше колѣна,

¹⁾ Gordon's Tagebuch, II, 482.

а порохомъ обожгло лицо такъ, что онъ съ недѣлю пролежалъ въ постели.

Главный характеръ этихъ военныхъ упражненій заключался въ томъ, что потѣшное войско боролось со стрѣльцами. Въ этомъ высказывался антагонизмъ между новою и прежнею системами военной организаціи.

Въ 1691 году, маневры возобновились. Они кончились отчаяннымъ штурмомъ потѣшной крѣпости «Пресбургской», защищаемой безуспѣшно стрѣleckимъ войскомъ, подъ начальствомъ «генералиссимуса» Бутурлина. Войска Петра бились «на крѣпко», «съ яростью», — и взяли крѣпость. Князь Иванъ Димитріевичъ Долгорукій, жестоко раненный въ правую руку, умеръ на девятый день; было много раненыхъ. Петръ, Лефортъ и Гордонъ принимали самое дѣятельное участіе въ сраженіяхъ.

Крестъ, поставленный Петромъ Великимъ на берегу Вѣлаго моря.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова.

Еще большіе размѣры имѣлъ «Кожуховскій» походъ, въ 1694 году. Тутъ на сторонѣ Петра сражался «генералиссимусъ» князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, командовавшій новыми полками, съ «польскимъ королемъ» Бутурлинымъ, войска котораго главнымъ образомъ состояли изъ стрѣльцовъ. Защищая «безымянный городокъ», Бутурлинъ долженъ былъ сдаться. Оружіемъ и на этотъ разъ служили ручныя гранаты, горшки, начиненныя горючими веществами, и длинные шесты, съ зажженными на концѣ ихъ пучками смоленой пеньки. Многихъ переранили и обожгли, въ томъ числѣ и Ле-

форта, которому взрывомъ огненного горшка опалило лицо такъ, что онъ нѣсколько дней хворалъ серьезно, что, впрочемъ, не помѣшало ему угостить у себя въ шатрѣ, послѣ сраженія, царя и главныхъ офицеровъ.

Главнымъ образомъ руководилъ маневрами Гордонъ. Еще во время пребыванія въ Архангельскѣ, онъ трудился надъ подробнымъ планомъ Кожуховскаго похода и даже составилъ подробную записку объ этомъ предметѣ. Хотя «генералиссимусы» и были русскіе, но все-таки главными руководителями являлись иностранцы. Эти маневры были полезнымъ приготовленіемъ къ Азовскимъ походамъ, а далѣе они должны были служить средствомъ сближенія между

Петромъ и иностранными офицерами. Лефортъ, Гордонъ и пр. постоянно были въ обществѣ царя. Петръ цѣнилъ высоко военное-техническое образованіе иностранцевъ. Невольно въ немъ родилась и окрѣпла мысль, что успѣхи русской политики и русскаго оружія обуславливаются главнымъ образомъ участіемъ въ этихъ дѣлахъ людей западно-европейской школы.

Мы уже знаемъ, въ какой мѣрѣ царь нуждался въ иностранцахъ при своихъ опытахъ плаванія по Переяславскому озеру и при постройкѣ судовъ. Эти занятія принимали все большіе и большіе размѣры. Въ послѣдствіи самъ царь, во введеніи къ Морскому Уставу, разсказалъ подробно начало кораблестроенія въ Россіи и какимъ образомъ въ немъ самомъ «охота стала отъ часу болѣе»¹⁾. Располагая, послѣ государственнаго переворота 1689 года, большими средствами и полною свободою, Петръ могъ заняться всѣмъ этимъ еще гораздо успѣшнѣе чѣмъ прежде.

На Переяславскомъ озерѣ уже въ 1689 году была заложена верфь. На ней было построено, подъ руководствомъ голландцевъ, Карстена Бранта и Корта, нѣсколько судовъ. Тутъ трудился самъ Петръ, въ качествѣ корабельнаго плотника. Тутъ онъ, зимою на 1692 годѣ, былъ занятъ постройкою большого военного судна.

Онъ работалъ съ такимъ усердіемъ, что не безъ труда его уговорили прервать на короткое время занятіе для путешествія въ Москву, гдѣ нужно было дать торжественную аудіенцію персидскому посланнику. Спускъ новаго корабля происходилъ 1 мая 1692 года. При этомъ случаѣ были устраиваемы разныя празднества. Изъ краткихъ записокъ Петра къ матери въ это время видно, въ какой мѣрѣ онъ былъ занятъ судостроеніемъ. Даже мать царя и его супруга должны были пріѣхать въ Переяславль, для участія въ прогулкахъ на водѣ. Когда онъ, въ 1693 году, задумалъ отправиться

Крестъ, сдѣланный Петромъ Великимъ и находящійся въ настоящее время въ соборѣ г. Архангельска.

Съ рисунка А. П. Норовлева.

¹⁾ Басни о мнимой первоначальной водобоязни Петра, встрѣчающіяся впервые въ сочиненіи Штраленберга и повторенныя затѣмъ Фоккеродтомъ, Манштейномъ, Крекшинимъ, Вольтеромъ, Голиковымъ, не заслуживаютъ вниманія.

въ Архангельскѣ, то, по его собственнымъ словамъ, не безъ труда получилъ позволеніе матери «въ сей опасный путь». Изъ ея писемъ къ сыну видно, какъ сильно она въ это время беспокоилась. Въ Архангельскѣ, Апраксинъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи адмираломъ, руководилъ постройкою новаго корабля. Ромодановскій сдѣлался адмираломъ, Гордонъ—шаутбенахтомъ, или контръ-адмираломъ; самъ Петръ довольствовался скромнымъ званіемъ шкипера.

Лѣтомъ 1694 года, во время путешествія въ Соловецкій монастырь, Петръ едва не погибъ: была ужасная буря; крушеніе казалось неизбѣжнымъ. Опытность и хладнокровіе лодейнаго кормчаго, Антипа Тимоеева, спасли государя и его товарищей. Въ воспоминаніе своего избавленія, Петръ собственноручно сдѣлалъ деревянный крестъ, съ надписью на голландскомъ языкѣ. Самъ царь отнесъ его къ тому мѣсту, гдѣ вышелъ на берегъ, и водрузилъ въ землю на память потомству ¹⁾. Около этого же времени и Гордонъ, по случаю бури, находился въ большой опасности, о чемъ подробно рассказываетъ въ своихъ запискахъ ²⁾.

Нельзя не удивляться рабочей силѣ, предприимчивости и энергіи царя, который своимъ потѣхамъ придавалъ обыкновенно весьма серьезное значеніе, но въ то же время любилъ прерывать работу шумными увеселеніями и разгульными пиршествами. Кораблестроеніе и игра въ кегли, химическіе опыты въ лабораторіи и веселія попойки, ученые разговоры о вопросахъ технологіи и странныя шутки и маскарады непосредственно слѣдовали другъ за другомъ. То можно было видѣть Петра въ церкви, читавшимъ апостола и пѣвшимъ съ пѣвчими на клиросѣ, то на кораблѣ, лазившимъ по мачтамъ и такелажу; иногда, прошировавъ всю ночь въ веселой компаніи, онъ утромъ рано, съ топоромъ въ рукахъ, отправлялся на верфь, гдѣ работалъ надъ постройкою судовъ. По достовѣрному свидѣтельству шведскаго агента Кохена, оказывается, что къ одной яхтѣ, при ея постройкѣ, не прикасалась ни одна рука, кромѣ царской ³⁾. Весьма часто Гордонъ въ своемъ дневникѣ упоминаетъ о подробныхъ бесѣдахъ съ царемъ, въ которыхъ обсуждались вопросы военной техники и политики; весьма часто говорится и о томъ, что царь съ большою компаніею (до 100 и 200 лицъ) по цѣлымъ суткамъ бражничалъ у своихъ знакомыхъ, иностранныхъ дипломатовъ, офицеровъ и пр. По словамъ Кохена, Келлера и Гордона, такіа посѣщенія бывали имъ подъ-часъ въ тягость.

¹⁾ Устряловъ, II, 166—168.

²⁾ Tagebuch Gordon's, II, 483.

³⁾ Устряловъ, II, 359—360.

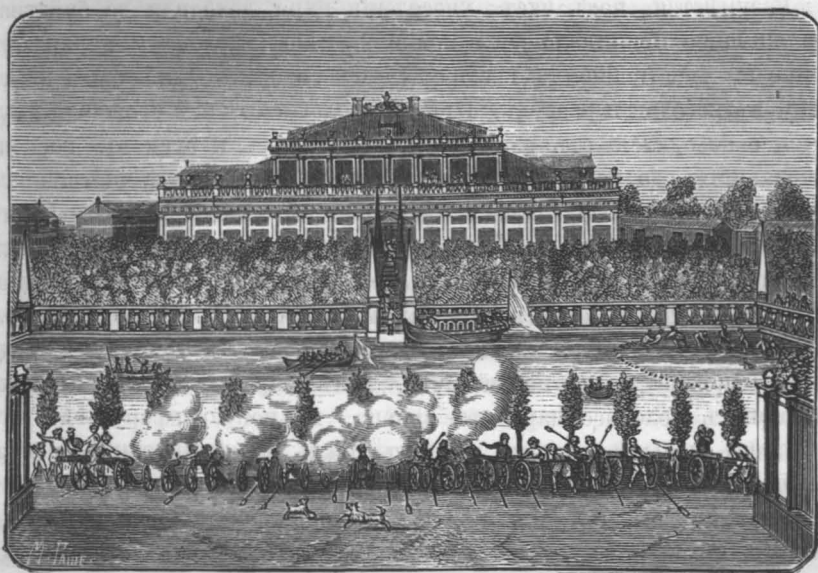
Въ 1692—93 годахъ, Петръ велѣлъ построить для Лефорта великолѣпный домъ, роскошно меблированный: здѣсь происходили самыя веселыя попойки; здѣсь царь до отправленія въ Архангельскъ однажды пируетъ около четырехъ дней сряду. Въ погребѣ у Лефорта находились постоянно большіе запасы виноградныхъ винъ, на нѣсколько тысячъ рублей. Во время такихъ пиршествъ бесѣдовали о государственныхъ дѣлахъ на западѣ, пивали за здоровье короля англійскаго, Вильгельма III, или произносили тосты въ честь Женевской республики, Генеральныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, и попойки имѣли нѣкоторое политическое значеніе и были нѣкоторымъ образомъ политическою школою ¹⁾.

Разумѣется, подъ часъ, увеселенія царя доходили до буйства; бражничанье принимало ужасающіе размѣры; молодому царю, отъ природы чувственному, изобилующему силой, трудно было знатъ мѣру въ веселіи и разгулѣ. При его положеніи, всѣ угождали ему. Царь освободился отъ азіатскаго церемоніала и этикета, господствовавшихъ до того въ Кремлевскомъ дворцѣ; изъ таинственнаго полумрака царскихъ покоевъ онъ «выбѣжалъ на улицу». Нашъ знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ, пишетъ: «Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобы больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки... Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно грусть и скука выгоняють молодого царя изъ дворца, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла... Для Петровыхъ дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской жинщины—охранять нравственную чистоту, хотя мы узнаемъ, что болѣе живой по природѣ царь, Алексѣй Михайловичъ, любилъ иногда пошаривать, напойть бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою, выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы знаемъ, какъ грязна русская улица въ концѣ XVII вѣка; справимся съ извѣ-

¹⁾ Нѣкоторые примѣры таковыхъ бесѣдъ встрѣчаются въ сочиненіи Корба, *Diarium itineris in Moscoviam*.

стіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества, и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся» ¹⁾).

Петръ не только пировалъ смѣлѣе, разгульнѣе отца—онъ и работалъ гораздо болѣе отца. Алексѣй Михайловичъ мечталъ о сооруженіи флота, но не успѣлъ осуществить этого дѣла, въ которомъ не принималъ личнаго, непосредственнаго участія. Петръ успѣлъ создать флотъ именно самоличною работою моряка и корабельнаго плотника. Не мудрено, что царь, превратившись въ матроса и ремесленника, подѣ часъ любилъ отдыхать отъ труда, какъ

Домъ Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ.

Съ рѣдкой современной гравюры Генриха де-Виттъ, находящейся въ коллекціи П. Я. Дашкова.

отдыхали его товарищи,—въ гавани и на верфяхъ. Отсюда нѣкоторая необузданность въ попойкахъ, недостатокъ въ поддержаніи достоинства государя, нарушеніе правилъ внѣшняго приличія, подобающаго царю. Отказавшись играть роль полубога на престолѣ, царь, подѣ часъ, въ кругу подданныхъ, людей скромныхъ, велъ себя какъ равный между равными. Нельзя по этому удивляться тому значенію, которое имѣлъ въ увеселеніяхъ царя «Ивашка Хмѣль-

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 110—112.

ницій», о которомъ такъ часто упоминается въ шутливыхъ запискахъ царя и его товарищей.

Охота Петра къ страннымъ шуткамъ, маскарадамъ и пр. напоминаетъ нѣкоторыя черты подобныхъ эпизодовъ, случавшихся при Иванѣ Грозномъ. При дворѣ Петра было множество шотовъ, карликовъ ¹⁾. Уже въ это время встрѣчаются многія шутки съ «княземъ-папою», Зотовымъ, бывшимъ дядькою царя. Въ началѣ 1695 года, Петръ отпраздновалъ свадьбу своего шута, Тургенева, слѣдующимъ образомъ. Въ поѣздѣ были бояре, окольничіе и думные люди; «ѣхали они», какъ рассказываетъ современникъ, «на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ; а въ платьяхъ были смѣшныхъ, въ куляхъ мочальныхъ, въ шляпахъ лычныхъ, въ крапешинныхъ кафтаныхъ, опушенныхъ кошачьими лапами, въ сѣрыхъ и разноцвѣтныхъ кафтаныхъ, опушенныхъ бѣлыми хвостами, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ, въ лубочныхъ шапкахъ и пр.» ²⁾. Можно считать вѣроятнымъ, что самому царю принадлежала весьма важная доля въ устройствѣ такихъ сумасбродныхъ увеселеній. Зато нѣкоторыя изъ шутокъ и увеселеній его свидѣлствуютъ о вліяніи западно-европейскаго образованія. При фейерверкахъ, нерѣдко представлялись сцены мифологическія. Въ письмахъ Петра къ Виніусу упоминается, напр., по случаю пожара, о Вулканусѣ; говоря о бурѣ, онъ шутилъ относительно коварства Нептунуса; во время военныхъ упражненій, онъ писалъ о Марсовой потѣхѣ и т. п.

Пылкая, страстная натура Петра обнаруживалась иногда при попойкахъ бранью или даже дракою. Однажды на пиру онъ собственноручно нанесъ побои своему шуруну Лопухину, который чѣмъ то обидѣлъ Лефорта. Такіе случаи взрывовъ царскаго гнѣва повторялись часто, и тогда стоило большого труда успокоивать молодого государя.

Государственными дѣлами Петръ пока не занимался. Нельзя, поэтому, удивляться ничтожности распоряженій въ области законодательства и администраціи въ это время. Управляли дѣлами главнымъ образомъ дядя государя, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Въ области внѣшней политики главнымъ дѣльцомъ былъ думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ. Бояре Троекуровъ, Стрѣшневъ, Прозоровскій, Головкинъ,

¹⁾ Посселятъ, II, 88.

²⁾ Желябужскаго записки, стр. 39—40.

Шереметевъ, Долгорукій и Лыковъ были начальниками важнѣйшихъ приказовъ.

Петръ пока ограничивался приготовленіемъ средствъ, необходимыхъ для успѣха во внѣшней политикѣ. Онъ занимался развитіемъ войска и положилъ начало флоту. Сдѣлавшись воспитанникомъ наставниковъ-иностранцевъ, онъ мало-по-малу становился способнымъ заняться и внутреннимъ преобразованіемъ государства. Ближайшимъ результатомъ эпохи ученія Петра и его пребыванія въ Нѣмецкой слободѣ были Азовскіе походы. За ними слѣдовало еще болѣе важное событіе—путешествіе за границу.

